

Е.А. Дженкова, О.Н. Тютюнова

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия*

РИТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

В статье рассматривается ритуальный характер институциональных видов дискурса. Признается необходимость различать жесткие и мягкие формы ритуализации дискурса в зависимости от его социальной значимости и регламентированности. Анализируются ритуальные характеристики судебного заседания как примера дискурса с жесткой формализацией. В качестве материала служат данные ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: дискурс, институциональные типы дискурса, судебный дискурс, ритуал, ритуальный дискурс, ассоциативный эксперимент

The authors look at the ritual characteristics of the institutional discourse. The article states the importance of distinguishing between stiff and soft forms of discourse ritualization depending on the social significance and regulation. The ritual characteristics of the courtroom discourse are studied, as it provides an example of a stiff discursive form. The analysis is based on experimental data.

Key words: discourse, institutional discourse, courtroom discourse, ritual, ritual discourse, associative experiment

Любое человеческое общество сталкивается с необходимостью социализации новых и консолидации уже имеющих членов коллектива, обеспечения взаимосвязи людей друг с другом, связи между предками и потомками, прошлым и настоящим. Любая форма человеческого сосуществования нуждается в обновлении и поддержании традиций и верований, норм, ценностей, психологического комфорта и эмоциональной устойчивости коллектива и, в конечном счете, – его социальной сущности. Все эти функции выполняет ритуал, который представляет собой необходимое структурное звено общества как формы организации коллективного человеческого бытия [1, с. 30-31; 5, с. 3].

Любое значимое социальное событие, сопровождающееся изменением статуса одного или нескольких его участников, имеет ритуальные характеристики. Имеем ли мы дело с рождением ребенка, свадьбой или похоронами (бытовой дискурс), церковной службой и молитвой (религиозный дискурс), публичной защитой диссертации (научный дискурс), произнесением инаугурационной речи (политический дискурс) или присяги (военный дискурс), рассматриваем ли торжественные речи на линейке или при посвящении в студенты (педагогический дискурс), а также выступления адвоката или прокурора во время судебного заседания (юридический дискурс) – везде мы сталкиваемся с тем фактом, что участники данных событий произносят речи, не сводимые к клишированному тексту, и, тем не менее, и говорящий, и его слушатели прекрасно знают, о чем пойдет речь [4, с. 401]. Таким образом, мы вслед за В.И. Карасиком можем заявить, что ритуализация в различной степени присуща разным типам дискурса и выражается в виде особой коммуникативной тональности, подчеркивающей сверхценность определенной ситуации [4, с. 401].

Упомянутая степень ритуализации варьируется в зависимости от следующей закономерности: чем более значимы сферы поведения, тем более жестко они регламентированы, тем сильнее контролируется соблюдение норм, стандартов и образцов [1, с. 5]. Следовательно, в данных сферах будет прослеживаться высокая степень стереотипизации и клишированности поведения, заданная внешними социальными факторами. Некоторые сферы жизни общества, напротив, остаются слабо или совсем нерегламентированными, поскольку не расцениваются как социально значимые. Проводя параллель с ритуальным дискурсом, необходимо разграничивать между мягкой и жесткой формализацией ритуального действия. В первом случае содержательная суть ритуала допускает вариативность форм выражения соответствующего действия, во втором случае форма становится приоритетной и приобретает собственную сверхценную значимость [4, с. 400]. Согласно данному делению существуют ритуальные действия с жесткой формализацией, исключаящие вариативность (канонические молитвы, клятвы, присяги), которым противопоставлены более свободные ритуальные действия и ситуации, когда происходит переход человека в новый, но менее важный статус (награждения, поздравления, напутствия) [2, с. 31].

Представляется, что сфера юридического дискурса и выделяемого в его рамках судебного дискурса является одной из социально значимых и институционально маркированных, поскольку участники коммуникации выступают как представители определенного социального статуса или института в рамках установленных статусно-ролевых и ситуативно-коммуникативных норм. Институциональный характер рассматриваемого дискурса обуславливает ролевые характеристики агентов и клиентов общественного института суда, типичные хронотопы, символические действия, трафаретные жанры и речевые клише [3, с. 12]. Следовательно, в юридическом дискурсе наиболее жестко проявляется ритуальность, характеризующаяся рядом строгих правил, схем построения и функционирования, знание которых необходимо для успешного общения участников [2, с. 31].

Для верификации теоретических выкладок на практике необходимо выделить основные признаки ритуала, которыми являются подтверждение групповой идентичности; признание значимости единства данного объединения людей; цель общения – инициация, изменение статуса одной пары участников общения; драматургичность, т.е. наличие ролевой структуры; необыденность общения; наличие статусных отношений; фактор вневременности; общение в жестко закрепленных стереотипах поведения; высокая символическая нагруженность [Там же, с. 106]. Проследим, насколько ритуальные и институциональные характеристики судебного дискурса, выраженного, в частности, жанром судебного заседания, представлены в словах-реакциях представителей русской и немецкой лингвокультур, участвовавших в свободном ассоциативном эксперименте.

В ходе эксперимента было установлено 200 слов-реакций немецких и русских участников на слово-стимул *суд* / *Gericht* [6, с. 121-124]. Анализ ответов русских информантов позволяет говорить о том, что в обыденном сознании русского человека суд ассоциируется, прежде всего, со сценарностью коммуникации и соответствующим распределением ролей в суде, о чем свидетельствуют следующие слова-реакции: *прения, оглашение приговора, допрос* (34

примера). Наличие статусных отношений фиксируют и неперенные атрибуты власти в суде: *мантия судьи, молоток, герб* (28 примеров). Другая репрезентативная группа слов-реакций подтверждает необыденность, высокую эмоциональную нагруженность судебного дискурса: *проблемы, бумаги, шум, возня, коррупция, нужны деньги; мама переживает, слезы, беспомощный, тебе не верят, долгое ожидание, поломана судьба, безразличие, обман* (31 пример). Таким образом, суд в русской лингвокультуре становится символом жизненных трудностей, возникающих проблем и сложностей, а также эмоциональных потрясений. Кроме того, наивные носители языка ассоциируют суд над человеком с понижением его социального статуса, что может рассматриваться как специфика видения судебной системы и правосудия в целом.

Особую группу представляют ассоциации на русском языке, отсылающие к прецедентным именам и событиям, а также судебным разбирательствам, нашедшим широкий общественный резонанс: *Магницкий, Ходорковский, чиновники Саакашвили, убийство Буданова, панк-молебен, самбист Мирзаев, банда Цапка* (7 примеров). В данном случае главным фактором выступает частота упоминания уголовных дел в средствах массовой информации. С одной стороны, данные слова-реакции не несут информации о представлениях информантов о мире, однако с другой стороны, подобные ассоциации, безусловно, релевантны при анализе судебного дискурса именно через призму ритуализации. Данные события являются маркерами, позволяющими человеку в социуме определить свою позицию, соотнести свою точку зрения с референтной группой или личностью. Иными словами, мы сталкиваемся еще с одной функцией ритуала, а именно подтверждением групповой идентичности.

Немецкие информанты также воспринимают судебное заседание как своеобразный ритуал, имеющий свои, характерные для него атрибуты: *Talar des Richters* (*мантия судьи*), *Flagge* (*флаг*), *Grundgesetz* (*конституция*), *Gesetzbuch* (*свод законов*), *großer Saal* (*большой зал*), *Gerichtsgebäude* (*здание суда*) (22 примера). К институциональным характеристикам судебного разбирательства относятся и ассоциации, называющие участников и реалии судебного заседания: *Rechtsanwalt im Anzug* (*адвокат в костюме*), *Bescheinigung*, *Ausweis* (*справка*), *Aktentaschen* (*портфель, папка с документами*), *Scheidungsurkunde* (*свидетельство о разводе*) (24 примера). На наш взгляд, интересен факт фиксации в наивном языковом сознании статусных различий участников судебного дискурса. Так, статус агентов, т.е. профессиональных участников судебного разбирательства подчеркивает строго определенный вид одежды, в то время как внешний вид других участников не регламентируется. Однако в словах-реакциях респондентов фиксируется другой момент, связанный со статусом клиентов, – их переход в другое состояние, инициация: *das Leben ändern* (*изменить жизнь*), *ein neues Leben* (*новая жизнь*), *Freiheitsstrafe* (*наказание, связанное с лишением свободы*), *Scheidungsurkunde* (*свидетельство о разводе*).

В данном контексте показателен тот факт, что в немецкой ментальности суд воспринимается как институт, разрешающий сложившиеся проблемы: *Wahrheitsermittlung* (*установление правды*), *Recht* (*право*), *Rechtsprechung* (*судопроизводство*), *Lösung gefunden* (*решение найдено*), *Sieg* (*победа*), *Verfahren gewonnen* (*дело выиграно*), *nach Gesetz und Recht urteilen* (*судить по закону*) (54 примера).

Подведем итоги. Проведенный ассоциативный эксперимент подтверждает важность ритуального компонента при описании судебного дискурса, в частности, на примере жанра судебного заседания. Анализ полученных слов-реакций на стимул *суд / Gericht* выявляет существующее представление о судебном разбирательстве как о ритуальном событии у представителей русской и немецкой лингвокультур. Участие в данном ритуале является в российской языковой действительности трудным и тревожным событием, чаще всего сопровождаемым понижением социального статуса, о чем свидетельствует обилие эмоционально нагруженных ассоциаций, обладающих отрицательной коннотацией. В немецком языковом сознании более детально фиксируются внешние атрибуты судебного дискурса, проводится более четкое разграничение статусно-ролевых отношений участников дискурса. Само судебное разбирательство является так же, как и в русской лингвокультуре, эмоционально нагруженным событием. Однако разницу составляют разнонаправленные знаки аксиологического оценивания данного события.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
2. *Извекова М.Г.* Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 204 с.
3. *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / Под ред. В.И.Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000.
4. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
5. *Нечипуренко В.Н.* Ритуал: генезис социального бытия и формирование субъективности: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
6. *Тютюнова О.Н.* Ритуальный компонент дискурса судебного заседания // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». №5 (19). Декабрь 2012.